

Е. Н. Шумилов

**ПО ПУТИ, ПРОЛОЖЕННОМУ ШВЕДАМИ
(О роли населения «Ладужской автономии»
в освоении Русского Севера)**

В 860-х годах на землях чуди Юго-Восточного Приладожья появилось новое население — скандинавы и колбяги¹. Вновь прибывшие расселились отдельными усадьбами (хуторами) по берегам рек Видлица, Тулокса, Олонка, Свирь, Оять, Паша, Капша, Воронега и Сясь. Территория их расселения простиралась с запада на восток на 150 км, а с севера на юг — на 170–180 км². Видимо, именно ее имели в виду скандинавские саги, именуя восточные земли словом Гардар, что в скандинавском языке означало «усадьбы, хутора»³. А позднее перенесли его на всю Русь. Здесь была создана опорная база для осуществления походов по сбору дани с окрестных финских племен. Со временем ее обитатели превратились в особое военно-промысловое сословие⁴. Область, занимавшая по отношению к Новгороду автономные позиции, получила в исследовательских кругах название «Ладужская автономия» или «Ладужское ярлство».

В истории «Ладужской автономии» можно выделить несколько периодов активизации населения, и все они связаны с миграциями сюда скандинавов: 860–890-е, 920–950-е, 1020–1070-е годы⁵. Для нас особый интерес представляет последний период. Тогда всплеск скандинавской активности в Юго-Восточном Приладожье был вызван браком новгородского князя Ярослава Владимировича, прозванного позднее «Мудрым», с дочерью шведского короля Олава. В качестве платы за невесту Олав получил от Ярослава Ладугу и ладожскую округу. Данный брачный союз дал шведам возможность собирать дань с территорий к востоку от Ладоги, населенных финскими племенами. Около 1020 года в Юго-Восточном Приладожье

было создано Ладожское ярлство, которое возглавил родич жены Ярослава Рёгнвальд, правивший здесь до 1030 года, затем — его преемники⁶.

Передача колбягов под юрисдикцию шведов и верховенство скандинавов (помимо шведов, здесь появились и норвежцы) вряд ли серьезно отразились на их статусе. Как свидетельствует «Правда Ярослава», колбяги имели равные права и обязанности с варягами-скандинавами⁷.

Историческое расселение этнических групп в Юго-Восточном Приладожье можно в общих чертах проследить по данным археологии, топонимики и письменным свидетельствам. Так, по реке Сясь проживали колбяги, по рекам Капша и Паша — скандинавы, по реке Оять — чудь. При этом реальная власть принадлежала скандинавам и колбягам, а представителям чуди, как покоренному населению, отводилась, скорее всего, роль слуг или рабов (в ареале их расселения мало оружия, да и оно могло принадлежать скандинавам или колбягам)⁸. Несмотря на длительное совместное проживание трех этнических групп и культурное взаимовлияние, фиксируемое археологами (в частности, оригинальная курганная погребальность), единая этническая общность так и не сложилась: слишком велики были социальные, языковые и религиозные различия. Сказалась и территориальная разобщенность.

Несомненно, что между скандинавами и колбягами существовало разделение «труда». Колбяги издавна совершали походы на конях (на это указывают многочисленные захоронения коней) по уже «наезженным» за столетие путям. Но дальние территории вряд ли им были доступны. Пройти летом по лесным дебрям было практически невозможно, а зимой при движении по льду рек существовала проблема с фуражом для лошадей. Правда, со временем, отправляясь на дальние расстояния зимой, они могли, как и волжские булгары, использовать ездовых собак (видимо, с этим обычаем связаны найденные в курганах захоронения собак)⁹.

Шведам же привычнее было совершать морские походы на кораблях. Реальным выходом к морю было плавание через низовья Северной Двины, населенные пермянами — потомками представителей ананьинской культурно-исторической области. Эта земля известна в скандинавских источниках как Бьярмаланд (Биармия)¹⁰. Норвежцы рассматривали ее как свою колонию и периодически совершали сюда грабительские набеги. Наличие среди приладожских шведов норвежцев, а также то обстоятельство, что шведы пытались обьясачить земли, еще неохваченные норвежцами, не должно было вызвать у них чувства соперничества.

Первое появление шведов в Северном Ледовитом океане зафиксировано летописями в 1032 году¹¹. Тогда Улеб, в котором исследователи справед-

ливо видят Ульва Рёгнвальдсона — сына ярла Рёгнвальда¹², совершил плавание к Железным воротам. Еще в 1789 году В.В. Крестинин отождествил Железные ворота с Карскими воротами или Югорским шаром у острова Вайгач¹³. В последние годы это предположение нашло подтверждение в археологии. На острове Вайгач, который два тысячелетия являлся священным местом сначала для югры¹⁴, а затем самоедов (ненцев), на святилищах выявлены скандинавские артефакты¹⁵. Плавание Улеба закончилось неудачей. Очевидно, шведы пытались ограбить святилища югры. Это вызвало со стороны последних справедливое возмущение и вооруженный отпор. В результате многие мореходы погибли от рук югры¹⁶. Скандинавский крестик, снятый, скорее всего, с тела убитого, был принесен в дар языческим богам. На острове Вайгач также известны человеческие жертвоприношения¹⁷. Не исключено, что попавших в плен скандинавов югра могла принести в жертву.

Тот факт, что водный путь до Полярного Урала первыми освоили именно шведы, подтверждает устаревшее наименование русских у ненцев — луотса (современное лууца), восходящее к руотси. В ненецком языке нет начального «р», поэтому оно было заменено на «л». Далее данный этноним перешел от ненцев в форме «люотя» к энцам и в форме «лууца» — к эвенкам, от тех — к маньчжурам, в языке которых русские — лоча¹⁸. Руотси — финское название шведов¹⁹. Это обстоятельство позволяет говорить о том, что переводчиками при общении между шведами и самоедами выступали именно финны. Со временем этноним руотси (луотса) был перенесен на русских, поскольку для монголоидных самоедов шведы и русские были на одно лицо.

Поход Улеба не стал последним, напротив, шведы убедились, что есть что грабить. Плавания продолжались и в дальнейшем. Об этом свидетельствуют многочисленные артефакты XI–XII веков новгородско-ладожского происхождения на святилищах Вайгача, как языческие, так раннехристианские²⁰. В результате походов были обьясачены югра и самоеды (самоядь). Летописец «Повести временных лет» услышал от ладожан (а это могли быть представители Юго-Восточного Приладожья), что «мужи старые ходили за Югру и за Самоядь» (1114)²¹. Здесь речь идет о самояди и югре, живших между Печорой и Уральскими горами — на территории тундры и лесотундры, примыкавшей к Северному Ледовитому океану. За островом Вайгач на пути мореходов был полуостров Ямал. Обогнуть его на судах-кочах оказалось невозможно даже в 1734–1735 годах, поскольку дули сильные встречные ветры и был сплошной лед²². Кроме того, это плавание отнимает много времени и делает данный маршрут малоперспективным.

Итогом походов в Югру и Самоядь были меха и моржовая кость²³. Данный экспортный товар через Ладожское ярлство напрямую уходил за границу — в Европу. Обитатели ярства получали за товар серебряные динарии²⁴. На эти деньги они закупали в Новгороде нужные им вещи, так как покупать здесь было проще и выгоднее, чем привозить товары из Северной Европы. Этим и объясняется обилие новгородских вещей в захоронениях жителей Юго-Восточного Приладожья XI века²⁵.

О том, что основной доход от экспорта мехов и моржовой кости доставался именно жителям Ладожского ярлства, говорит отсутствие в Новгороде запорных пломб от кожаных мешков с мехами в первой половине XI века, хотя в конце X века они здесь имелись, и обилие монет в кладах и захоронениях Юго-Восточного Приладожья²⁶.

Ярослав Мудрый, крепко связанный со скандинавами семейными узами, вынужден был все это терпеть, неся при этом убытки. Но его преемники по новгородскому княжению терпеть не стали, тем более что в Швеции ушла с политической арены династия королей — родичей Ярослава. Первым борьбу с самостоятельностью ярлства начал князь Глеб Святославич²⁷. Именно с его деятельностью можно связать исчезновение в 1070-х годах Кемского погранично-таможенного пункта близ Белого озера²⁸. В ходе борьбы с ярлством Глеб мог использовать помощь своего отца Святослава Ярославича, бывшего в 1073–1076 годах великим князем киевским (Ростово-Суздальское княжество, в ведении которого находились белозерские дани, являлось уделом Киева). Глебу удалось подчинить себе земли восточнее Белого озера — Заволочье, ставшее позднее местом его гибели. О том, что данный процесс проходил далеко не мирным путем, говорят клады 1070-х годов²⁹. Тогда же в Новгороде появились запорные пломбы с тамгой Глеба («багровидные» тамги с начальной буквой его имени)³⁰. А это значит, что дань стала поступать в казну князя.

Дело Глеба по наступлению на позиции Ладожского ярлства продолжил и завершил новгородский князь Мстислав Владимирович. И опять мы имеем дело с многочисленными богатыми кладами. Примечательно, что клады 1090-х годов зафиксированы именно там, где сосредоточена основная масса скандинавских погребений³¹. И вновь дань пошла в княжескую казну: в Новгороде обнаружено пять запорных пломб, помеченных тамгой Мстислава Владимировича³². Можно с уверенностью говорить, что со второй половины XI века Заволочье становится на правах завоеванной территории местом сбора дани для новгородских князей.

Шведский король Инги, стремясь удержать за собой Ладожское ярлство, применил испытанный временем прием: выдал за Мстислава свою дочь³³. Но летописец не случайно удостоил Мстислава Владимировича (единственного из всех русских князей) прозвищем Великий³⁴. Мстислав довел начатое дело до логического конца. Все завершилось в 1105 году походом князя на Ладогу³⁵. С господством шведов было покончено. К началу XII века на территории Юго-Восточного Приладожья уже нет артефактов скандинавов³⁶. Чудское население реки Оять сдвинулось на запад и заняло земли скандинавов по рекам Паша и Капша³⁷. В то же время, чтобы избежать сепаратизма в среде местного населения, Мстислав вынужден был сохранить «Ладожскую автономию». Но своих князей (в отличие от Пскова) она не получила (ранее функции князей, видимо, выполняли шведские ярлы). Правда, теперь в походах за данью могли участвовать новгородцы.

В 1114 году впервые на страницах летописи появляются ладожане — так стали именоваться, видимо, не только жители Ладоги, но и колбяги Юго-Восточного Приладожья³⁸.

Ладожская автономия превратилась в один из важнейших центров Новгородской земли. Понимая, что шведы вряд ли смирятся с потерей ярлства, Мстислав для защиты от них сооружает в 1114–1116 годах в Ладоге каменную крепость³⁹. И действительно, через пятьдесят лет, в 1164 году, произошло первое нападение шведов на Ладогу, которое ладожане успешно отразили благодаря наличию крепости⁴⁰.

Путь к Полярному Уралу, проложенный шведами, успешно освоили колбяги, многому научившись у скандинавов, и новгородцы. Правда, со временем их маршрут несколько изменился и уже не ограничивался плаванием вдоль берега Северного Ледовитого океана. Теперь путь из Северной Двины пролегал по Пинеге, Кулою, Мезени, Пезе, Цильме, Печоре и другим рекам с волоками между ними и заходом в океан. К 1137 году погосты колбягов и новгородцев появились в низовьях Северной Двины, по Пинеге и другим рекам⁴¹.

Между тем западный рынок требовал большего разнообразия товаров, чем могли предложить ладожане. Но в тундре не было соболей и других ценных пушных животных. И даже проникновение в лесную зону Приуралья — Пермь Вычегодскую (вымская культура) — не исправило положения: мех водившегося здесь соболя был невысокого качества. Настоящий товарный соболь обитал в лесной зоне Зауралья — в Сибири, где жили югричи (предки хантов) и вогуличи (предки манси). С этим населением

волжские булгары, точнее те из них, кто обосновался в Верхнекамье (Верхней Булгарии), вели «немой» обмен товарами начиная с X века⁴².

Во второй половине XII века ладожане и новгородцы находят свой путь в Сибирь. Этот путь, получивший название Югорский, выходил с Печоры на ее правый приток Щугор. Далее был переход (волоок) через Уральские горы. По левым притокам Северной Сосьвы, берущим начало с гор, можно было попасть на Северную Сосьву, далее — на Обь⁴³.

Доказательство тому, что первыми сюда проникли русские (русь), можно найти в этнонимии: манси называют русских словом русь, ханты — руть⁴⁴. Однако сборщики дани столкнулись здесь с более серьезным противником, чем разрозненные кочевники тундры — самоеды и приполярная югра. У лесных зауральских югричей и вогуличей уже были укрепленные городки, собственные князьки, сложившееся классовое общество. Неудивительно, что в столкновениях с ними сборщики дани терпели поражение⁴⁵. Дань доставалась им потом и кровью.

Свидетельства пребывания новгородцев за Уралом в XII–XIII веках — это не только предметы быта и торговой деятельности, но и дома, построенные ими, и деревянные мостовые, типичные для Новгорода. Вместе с новгородцами в них проживали представители вымской археологической культуры⁴⁶.

А Ладога благодаря доходам от дани переживала свой расцвет. В промежутке между 1153 и 1166 годами и около 1200 года в ней были построены пять каменных церквей⁴⁷. Подобного строительного бума не знал даже Новгород. Это обстоятельство, несомненно, раздражало новгородцев и вызывало у них чувство зависти и стремление покончить с «Ладожской автономией».

Судьба «Ладожской автономии» была решена в начале XIII века. В это время в Юго-Восточном Приладожье произошли серьезные изменения: исчез курганный обряд захоронений⁴⁸. Чудское население осталось на прежнем месте — на реках Оять, Капша и Паша. Здесь до настоящего времени проживают их потомки — вепсы. Что произошло с колбягами, сообщает нам новгородская берестяная грамота № 222, датированная 20-ми годами XIII века: колбяги бежали⁴⁹. Причину их бегства можно видеть в акции христианизации язычников, находившихся в сфере влияния Новгорода, проведенную в 1227 году новгородским князем Ярославом Всеволодовичем. Мероприятие провалилось. Ярославу удалось окрестить лишь часть карелов⁵⁰. Куда именно направились колбяги, пока не ясно. После их ухода автономия утратила привилегии, превратившись в обычную податную

область Новгорода — Обонежскую пятину. Свои позиции и льготы сохранили только Ладога и ее ближайшая округа⁵¹.

Высоко оценивая роль населения «Ладожской автономии» в деле «ясачного» освоения территории будущего Русского Севера, нельзя не признать и негативную сторону существования самой автономии. На протяжении длительного времени ее население выражало интересы скандинавов. Более того, автономия являлась непреодолимым скандинавским кордоном на пути расширения границ Новгородской республики. И лишь после ее упразднения у новгородских земледельцев появилась реальная возможность для миграции. Как свидетельствуют источники, только во второй трети XIII века началось заселение новгородцами плодородных земель Заонежья, богатых шунгитом — камнем плодородия⁵².

* * *

¹ Колбяги пришли сюда вместе с Рюриком, скорее всего, из Южной Прибалтики.

² *Кирпичников А.Н.* Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Л., 1988. Вып. 1. С. 69.

³ Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 464–465.

⁴ *Мачинский Д.А., Мачинская А.Д.* Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 52–54.

⁵ *Богуславский О.И.* Южное Приладожье в системе трансевразийских связей IX–XII вв. // Древности Северо-Запада России. СПб., 1993. С. 132–157.

⁶ *Стурлусон Снорри.* Круг земной. М., 1980. С. 234–235.

⁷ *Тихомиров М. Н.* Пособие для изучения «Русской Правды». М., 1953. С. 75–86.

⁸ *Неволин К.А.* О пятинах и погостах новгородских. СПб., 1853. С. 164; *Дубов И.В.* Великий Волжский путь. Л., 1989. С. 82 (рис. 27); *Муллонен И.И.* О гидронимии бассейна р. Ояти // Курганы летописной веси X — начала XIII века. Петрозаводск, 1985. С. 184–196.

⁹ Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М., 1987. С. 57.

¹⁰ *Никитин А.Л.* Биармия и Древняя Русь // Вопросы истории. 1976. № 7. С. 56–69.

¹¹ *Татищев В.Н.* История российская. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 77.

¹² *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1959. Кн. 1. С. 216.

¹³ *Крестинин В.В.* Географическое известие о Новой Земле // Путешествия академика Ивана Лепехина. СПб., 1805. Ч. 4. С. 123–193.

¹⁴ Югра, несомненно, отличалась от зауральских югричей (см.: *Напольских В.В.* Географическая привязка и этноязыковая идентификация летописной Югры. URL: <http://www.udmurtology.narod.ru/library/napolskikh/jugra.pdf>).

¹⁵ *Хлобыстин Л.П.* Древние святилища острова Вайгач // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 120–135.

¹⁶ ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 63.

- ¹⁷ *Хлобыстин Л.П.* Указ. соч. С. 120–135.
- ¹⁸ Русский язык осваивает Сибирь. URL: <http://www.stolichnoe-obrazovanie.ru/cgi-bin/show.pl>.
- ¹⁹ *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. М., 2005. С. 300–301.
- ²⁰ *Хлобыстин Л.П.* Указ. соч. С. 120–135.
- ²¹ Повесть временных лет (ПВЛ) // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1. С. 309.
- ²² Записки Матвея Артамоновича Муравьева // Российский архив. М., 1994. Кн. 5. С. 7–81.
- ²³ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 159.
- ²⁴ Финно-угры и балты в эпоху Средневековья... С. 64.
- ²⁵ Там же. С. 60.
- ²⁶ *Янин В.Л.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 31–57; *Потин В.М.* Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1967. Т. 9. Вып. 3. С. 94–123.
- ²⁷ ПВЛ. С. 237.
- ²⁸ *Макаров Н.А., Беляков А.С.* Кемский некрополь в Северном Белозерье // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1989. Вып. 198. С. 82.
- ²⁹ *Потин В.М.* Указ. соч. С. 94–123.
- ³⁰ *Янин В.Л.* Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 140.
- ³¹ *Потин В.М.* Указ. соч. С. 94–123.
- ³² *Янин В.Л.* Археологический комментарий к Русской Правде... С. 140.
- ³³ *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978. С. 73.
- ³⁴ *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 143.
- ³⁵ Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 196.
- ³⁶ Финно-угры и балты в эпоху Средневековья... С. 59.
- ³⁷ URL: http://adan.nnov.ru/ladozhskoe_yarlstvo_kolbyagi.html.
- ³⁸ *Кирпичников А.Н.* Указ. соч. С. 62–63.
- ³⁹ *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 130.
- ⁴⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 31.
- ⁴¹ *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 156–157; Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. С. 117–118.
- ⁴² Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М., 1971. С. 31–34.
- ⁴³ *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 334.
- ⁴⁴ Русский язык осваивает Сибирь. URL: <http://www.stolichnoe-obrazovanie.ru/cgi-bin/show.pl>.
- ⁴⁵ Новгородская первая летопись... С. 38, 40, 41, 229.
- ⁴⁶ Финно-угры и балты в эпоху Средневековья... С. 215.

⁴⁷ *Раннопорт П.А.* Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // Новгородский исторический сборник. Л., 1982. Вып. 1 (11). С. 198.

⁴⁸ *Пашков А.М.* Весь (по археологическим материалам) // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 333–341.

⁴⁹ URL: <http://www.bibliotekar.ru/rusNovgorod/72.htm>.

⁵⁰ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. С. 449.

⁵¹ *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 88–89; *Он же.* К истории взаимоотношений Новгорода с князьями // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. С. 103; *Куза А.В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 161.

⁵² История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 74.